

«Перекликаться Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии*

© 2021, Анна Сергеева-Клятис
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается ряд вопросов: прежде всего, это проблема выстраивания своей творческой стратегии двумя крупнейшими представителями русской поэзии XX столетия. Устремление Ходасевича направлено на отделение себя от массовой литературы, замыкание в элитарном поэтическом мире, ориентированном на русский «золотой век» и, главным образом, на поэзию Пушкина. На этом фоне — противоположное направление развития Пастернака, тоже ориентированного на Пушкина, но нацеленного на массовость читателя, начиная с первой половины 1920-х годов и заканчивая поздним творчеством. Автор статьи задается вопросом, как ориентация на Пушкина могла привести одного поэта к отказу от поэзии и молчанию, тогда как другого — наоборот, к полной реализации и мировой известности. Также в статье по-новому затрагивается вопрос об отношении Ходасевича к творчеству Пастернака и шире — к футуристической поэзии в контексте представлений о разрушительности массовой и высокой миссии элитарной поэзии.

Ключевые слова: Пастернак; Ходасевич; Пушкин; массовая поэзия; элитарная поэзия; литература русского зарубежья; «школа гармонической точности»; советская критика.

Информация об авторе: Анна Юрьевна Сергеева-Клятис — доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. 125009, ул. Моховая, дом 9. Москва, Россия. ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-1469>. E-mail: nnklt1@gmail.com.

Для цитирования: Сергеева-Клятис А.Ю. «Перекликаться Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 325–334. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-325-334>

* Статья подготовлена при поддержке гранта на фундаментальное исследование РФФИ № 20-012- 00110 А.

О преклонении Ходасевича перед Пушкиным говорилось много и часто. Да и сам он оставил множество тому свидетельств, как поэтических, так и публицистических. Откладывая в сторону деятельность Ходасевича как исследователя пушкинского творчества, вслед за предшественниками попытаемся коротко воссоздать «пушкинскую картину мира», которая последовательно выстраивалась Ходасевичем на протяжении ряда лет, начиная от «Колеблемого треножника» (1921) и заканчивая статьей «Бесы» (1927)¹. Рассуждения об истоках гармоничности пушкинской поэзии, которые иногда вкрапляются в эти публикации, не составляют их смыслового центра, они отходят на второй план перед главным вопросом — о том месте, которое занимает Пушкин в разобленном культурном сознании XX века и в мироощущении самого Ходасевича².

В «Колеблемом треножнике» речь идет всего лишь о «затмении» Пушкина и звучит надежда на его «воскрешение». Найденная в финале статьи известная формула: «это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам переключаться в надвигающемся мраке» [11, т. 2, с. 272], — будет обыграна и в финале «Бесов». Однако здесь она снабжена трагическим пафосом, фиксирующим окончательное наступление мрака: «Даже именем Пушкина не можем мы больше переключаться с друзьями, которые там» [11, т. 2, с. 402]. И если в первом случае речь идет о связи между близкими, то во втором скорее — об отмежевании от чужих, которые получают нарицательное наименование — «пастернаки». Оговоримся, что именно Пастернака Ходасевич на долгие годы избирает для себя в антагонисты по разным причинам, среди которых не последним был фактор ревности к славе Пастернака, размеры которой в конце 1920-х годов Ходасевич явно преувеличивал, а причины сильно упрощал³.

Имя Пушкина играет роль своеобразного индикатора, с его помощью можно легко отделить агнцев от козлиц, и сонм «пастернаков» (бесов) — от настоящих поэтов, исчисляющихся, разумеется, единицами. (Если не единицей!). Вспомним знаменитое противопоставление себя — «вам», т.е. всему эмигрантскому сообществу, в стихотворении «Я родился в Москве...»:

¹ Мы намеренно опускаем в этой статье разговор о принципах поэтики Ходасевича — была ли ориентация на Пушкина простым подражанием стилистике эпохи «золотого века», или, как убедительно доказывает Н.А. Богомолов, «постоянным и напряженным внутренним диалогом с поэзией предшественников» [4, с. 167].

² «Если мы не захотим закрывать глаза и затыкать уши, то нам придется признать, что художественный канон Пушкина, как бы мы его ни ценили, может оказаться кодексом форм прекрасных, но отживающих...» (статья «Окно на Невский»: [11, т. 2, с. 275]).

³ См. об этом: [9, с. 260–279].

Вам — под ярмо ль подставить выю
 Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
 В дорожном уношу мешке.
Вам нужен прах отчизны грубый,
А я где б ни был — шепчут мне
 Арапские святые губы
 О небывалой стороне.

Органическое качество, которым отличается истинный поэт ото всех остальных, — его мистическая сопряженность с Пушкиным, представляющим собой отчизну духа. Прочим в установлении такой связи отказывается.

Не секрет, что пушкинскую ясность Ходасевич вменял себе в главный творческий принцип, распространяющийся как на поэзию, так и на прозу. И видел свою миссию в том, чтобы, как Пушкин, объединять современность и прошлое России в новых условиях, препятствовать распадению культурных связей. Иными словами, прямая ориентация на Пушкина была частью обширной программы спасительного консерватизма, который русская эмиграция вообще вменяла себе в обязанность⁴. Но исключительность собственной роли в этой борьбе была для Ходасевича очевидной⁵. Как автометаописание звучит пассаж о Пушкине-собирателе России: «Пушкин еще продолжал дело, подобное петровскому и екатерининскому: дело закладывания основ, созидания, собирания. Как Петр, как Екатерина, как Державин, он был силою собирающей, устрояющей, центростремительной» [11, т. 2, с. 400]. Осознавая себя центральной фигурой русского культурного поля, традиционалист Ходасевич резко откращивается от требований нового языка поэзии, которые раздавались то справа, то слева. Сошлемся на статью С.Я. Парнок «Пастернак и другие», опубликованную в ленинградском журнале «Русский современник» (1924), и рецензию Г.В. Адамовича на пастернаковского «Лейтенанта Шмидта», вышедшую в парижском журнале «Звено» (1927). Парнок пишет: «Слуховая совесть Пастернака потребовала от него иного, не пушкинского звучания русской речи»⁶. Эмигрант Адамович вторит ей: «Пастернак явно не довольствуется

⁴ Первые камни в фундамент пушкинской темы Ходасевич закладывал, еще находясь в России, но мощную теоретическую базу, ставшую основой его творческой философии, он разработал уже в эмиграции.

⁵ Выразителем и горячим адептом такого положения вещей был друг и единомышленник Ходасевича В.В. Вейдле, отчетливо изложивший эту концепцию в статье «Поэзия Ходасевича» (Современные записки. 1928. № 34). Он же, следуя понятной логике, продолжит тему противопоставлением светлой лиры Ходасевича затемненной поэзии Пастернака («Стихи и проза Пастернака» // Современные записки. 1928. № 36). Анализ этих критических высказываний см.: [8].

⁶ Парнок С.А. Пастернак и другие // Русский современник. 1924. № 1. С. 310.

в поэзии пушкинскими горизонтами, которых хватает Ахматовой и которыми с удовлетворением ограничил себя Ходасевич⁷.

То качество, за которое хвалят Пастернака рецензенты на разных берегах, — живой отклик на вызов современности, проявляющийся прежде всего в умении говорить на сродном с ней языке, — для Ходасевича представляется очевидным злом. «Развалу, распаду, центробежным силам нынешней России соответствуют такие же силы и тенденции в ее литературе. Наряду с еще сопротивляющимися — существуют (и слышны громче их) разворачивающие, ломающие: пастернаки. Великие мещане по духу, они в мещанском большевизме слышали его хулиганскую разудалость — и сумели стать “созвучны эпохе”. Они разворачивают пушкинский язык и пушкинскую поэтику, потому что слышат грохот разваливающегося здания — и воспевают его разваливающимися стихами, вполне последовательно...» [11, т. 2, с. 401]. Таково представление Ходасевича о массовой поэзии. Оно относится к поэтам не только советской России, но и русского зарубежья. В частности, в заметках о поэтическом конкурсе газеты «Звено» он резко пишет о стихотворении выигравшего конкурс Д.Г. Резникова «О любви»: «Здесь “концы с концами” не сходятся, и, вопреки золотому правилу Пушкина, воображение не проверено рассудком. <...> В общем пьеса — мыслью не глубока, а словами запутана и кудрява» [11, т. 2, с. 352–353]. Ходасевич выносит приговор: стихотворение «восходит к наименее удачным вещам Марины Цветаевой, и, следовательно, к Пастернаку» [11, т. 2, с. 353]. Как видим, засилье «пастернаков»⁸, не следующих «золотому правилу Пушкина», Ходасевич видит и в эмигрантской поэзии.

Сознание себя «Пушкиным наших дней» предписывало жесткие самоограничения. Уход в элитарность был неминуем. Высокая миссия требовала и отрыва от читательской массы. Собственно пушкинский вектор уже сам по себе предreshал отбор читателя: для «своих» высокая ясность Ходасевича, для «чужих» — заузное мычание Пастернака. Узость читательского круга — естественное следствие такого отбора. Ходасевич вполне сознательно выбирал для себя роль поэта-олимпийца. И в этом тоже не выходил за рамки эстетических принципов школы «гармонической точности». Вот характерные строки П.А. Вяземского, отражающие общие воззрения «золотого века»:

⁷ *Адамович Г.* «Лейтенант Шмидт» Бориса Пастернака // Звено. 1927. 3 апреля. № 218. С. 2.

⁸ «Пастернаки» связываются в мировоззрении Ходасевича прежде всего с футуристами — о степени расхождения реального Пастернака с кругом Маяковского и его поэтическими принципами в 1926–1927 гг. Ходасевич, разумеется, ничего не знал.

И я желал себе читателей немногих,
 И я искал судей сочувственных и строгих;
 Пять-шесть их назову, — достаточно с меня,
 Вот мой ареопаг, вот публика моя.

(«Литературная исповедь»)

Совсем иначе рассматривал классическую «прививку» Пушкиным Б.Л. Пастернак, ставший для Ходасевича нарицательным именем массовой поэзии. Начнем с того, что Пастернак с первых лет своего литературного поприща ощущал себя элитарным автором. Сгущенная метафоричность и сложность языка, которой отмечены первые пастернаковские сборники, делала его поэзию непонятной для массового читателя. Даже «Сестра моя жизнь» ситуации радикально не изменила: находясь в Берлине, куда Пастернак попал практически сразу после выхода книги, он постоянно слышал упреки в невнятности, темноте, немотивированной сложности поэтики. Собственно, это были не всегда упреки, а скорее констатация всем известного факта. Такое мнение многие из его современников сохранили на всю жизнь. Н.Н. Берберова писала: «Хотел ли Пастернак сам, чтобы люди добивались до сути его стихов? Теперь я думаю, что эти усилия понять до конца строфу за строфой были совсем и не обязательны — в его поэзии строфа, строка, образ или слово действуют внесознательно, это в полном смысле не познавательная, но чисто эмоциональная поэзия...» [3, с. 240]. Однако с таким мнением Пастернак согласен не был и с горечью признался Вадиму Андрееву в Берлине: «Я хочу, <...> чтобы мои стихи были понятны зырянам» [1, с. 316]. Пастернаку насущно требовался читатель, причем не узкий круг посвященных, а именно читатель широкий, массовый. Так было в 1922 году и так оставалось до самых последних лет его жизни. В 1953 году он писал Н.Н. Асееву о настоящем искусстве: «Оно робко желает быть мечтою читателя, предметом читательской жажды, и нуждается в его отзывчивом воображении не как в дружелюбной снисходительности, а как в составном элементе, без которого не может обойтись построение художника, как нуждается луч в отражающей поверхности или в преломляющей среде, чтобы играть и загораться» [7, т. 9, с. 716].

Отсутствие массового читателя Пастернак остро ощущал в середине 1920-х годов — советская идеологизированная критика громила его стихи во многом за элитарность. Так, напостовец В.О. Перцов писал в 1924 г.: «Отдельные художники футуризма отчетливо представили себе к настоящему времени повышенные требования, предъявляемые к ним условиями массового производства. Однако, личные отношения, существующие в группе с момента ее возникновения, заставляют этих передовых производственников тянуть за собою и кустарей, безмятежно продолжающих

работать на индивидуального потребителя. Противоречие, получающееся от того, что, скажем, Пастернак выступает в современном литературном обороте под одной фирмой с Маяковским, представляется кричащим»⁹. Как ни анекдотично звучит конъюнктурное сравнение поэзии с массовым или кустарным производством, но Пастернак всерьез размышлял над теми же вопросами. Движение в сторону «неслыханной простоты» объяснялось в том числе и стремлением обрести широкого читателя.

Имя Пушкина не раз возникает в поэзии и письмах Пастернака. Но контекст, в котором оно упоминается, — совершенно иной, чем у Ходасевича. Можно даже сказать — полярно противоположный. Для Пастернака писать как Пушкин означает прежде всего писать понятно — для всех. Массовость читателя обеспечивается именно пушкинской простотой языка и стиля. В 1934 году Пастернак отчитывается перед отцом в перемене своей творческой позиции: «Ничего из того, что я написал, не существует. Тот мир прекратился, и этому новому мне нечего показать. Было бы плохо, если бы я этого не понимал. Но по счастью я жив, глаза у меня открыты, и вот я спешно переделываю себя в прозаика Диккенсовского толка, а потом, если хватит сил, в поэты — Пушкинского. Ты не вообрази, что я думаю себя с ними сравнивать. Я их называю, чтобы дать тебе понятие о внутренней перемене» [7, т. 8, 326]. Эта перемена произошла на несколько лет раньше, отчетливо была сформулирована в сборнике «Второе рождение», но готовилась она фактически всей творческой биографией Пастернака. Желая «быть понятным зырянам», Пастернак сознательно работал над своей поэтикой, переписывал ранние стихи, разбавляя сгущенную метафоричность, редуцируя тематику, делая более прозрачными образы и более понятным язык. Сложные инверсивные ходы, анжамбеманы, затрудненный синтаксис постепенно уходили в прошлое. Позиция поэта, пишущего для немногих, особенно в ситуации разросшейся аудитории послереволюционной России, ощущалась Пастернаком, всегда стремившимся к ясности, как непозволительный снобизм: «Когда-то книга, начиная свое общественное восхождение, шла от ближайшего автору узкого круга ко все более обширным. Только этот путь и осмысливал произведение, почти всегда иррациональное, то есть неосмысленное в своем первоисточнике. Там, где кончался человек, некогда начинались люди, сейчас же непосредственно за ним открываются миллионы...» (ответ на анкету «Вечерней Москвы»: «Моя первая вещь» [7, т. 5, с. 221–222]).

Путь к Пушкину, по которому последовательно и целенаправленно двигался Пастернак, не мог не привести его к поэтике совершенно нового типа, наиболее полно проявившейся в его поздней лирике, начиная со сборника «На ранних поездах» (1943) и заканчивая самыми последними

⁹ *Перцов В.О.* Вымышленная фигура // На посту. 1924. № 1. С. 214.

стихами. Пушкинские ясность и простота слога несколько не означали упрощения содержания. Однако цели своей Пастернак, несомненно, достиг: стихи его стали доступны, если не миллионам, то сотням тысяч его современников. Путь к Пушкину, по которому столь же последовательно и, вероятно, даже более осознанно, чем Пастернак, двигался Ходасевич, не мог не привести его, по его собственному выражению, к «бесславной славе», то есть к молчанию. Чем совершеннее он воспроизводил «гармоническую точность» пушкинского слога, тем сильнее отрывался как от читателя, так и от собратьев по цеху. Пользуясь терминами самого Ходасевича, это разнонаправленное движение можно определить как центробежное и центростремительное. В чем причина такого странного расхождения? Думается, что причин здесь несколько.

Ходасевич принял на себя обет следования пушкинской парадигме как догмат, сразу и навсегда. Он развил стройную и доказательную теорию, которую неизменно подтверждал собственной практикой и в достоверности которой не позволял себе сомневаться. Любой догматизм рано или поздно заводит в тупик. Ходасевич таким образом во многом искусственно отказался от возможности трансформации и развития. Отрицательное отношение ко всякого рода экспериментам с языком, просодией, поэтической лексикой и т.п. он справедливо связывал прежде всего с отторжением футуризма. Такое отношение установилось довольно рано. Как писал С.Г. Бочаров: «Год выхода “Счастливого домика” стал годом начала его вражды к футуризму, ставшей навсегда одним из краеугольных камней его культурной позиции» [5, с. 16]. Эта позиция по логике вещей была обратной стороной пассивизма Ходасевича.

«Неслыханная простота» Пастернака стала результатом практического освоения и преломления разных поэтических систем. Постепенно проявляясь в его творчестве, пушкинская составляющая явилась обогащенной разнообразным стилистическим опытом современности. Проще говоря, футуристический период, как бы ни относился к нему Пастернак в поздние годы, был плодотворнейшим для формирования поэтики зрелого Пастернака¹⁰.

Но главное, конечно, в том, что слишком разными были условия, в которых жили и писали эти два поэта. Ходасевич оказался в ситуации, вынуждавшей его еще крепче держаться за свою теорию. Он жил в узком мире эмиграции, где, с одной стороны, задача консервации русской культуры считалась первостепенной, с другой, подрастало новое поколение поэ-

¹⁰ Примерно об этом же пишет П.Ф. Успенский, говоря о «спаянности Пушкина и современности» в ощущении близкого к Ходасевичу круга (Чулкова, Садовского, Брюсова). Под «современностью» ими понимался прежде всего символизм, но никак не футуризм, который наоборот с Пушкиным разъединяет: [10, с. 134].

тов, которые искали новых средств выражения и которых не удовлетворял пуризм ходасевичевской лиры. Как писал А.В. Бахрах: «Зарубежный литературный мирок вошел в новую полосу, ни в чем со старой не сравнимую. Этот мирок возглавляется уже новыми именами, пришельцами, перекочевавшими на Запад и считающими, что до них в литературном отношении за рубежом было некое “зияние” или, вернее, существовало кое-какое подобие литературной “богадельни”, в которой доживали и что-то дописывали старики, имена которых при “царе Горохе” гремели по всей России. Этих стариков молодое поколение игнорировало, считая их себе несозвучными. Казалось, что и Ходасевич разделит судьбу этих стариков. Да и как же по-другому могла сложиться судьба поэта, который свой предсмертный стон мечтал “облечь в отчетливую оду”» [2, с. 321]. Сам Ходасевич если и не осознавал этого, то, конечно, чувствовал. С этим отчасти и связано его резкое неприятие Пастернака, находящегося в более выгодной ситуации и, по его мнению, занявшего чужое (его) место на русском поэтическом олимпе. Обрушивая с олимпийской — пушкинской — высоты на Пастернака свою уничтожающую критику, Ходасевич не мог себе представить, к чему придет его соперник в зрелую пору своего творчества.

И, казалось бы, прав Джон Малмстад, когда говорит о сближении противоположностей: «Какая же горькая ирония судьбы в том, что Ходасевичу, старше Пастернака всего на четыре года, не довелось увидеть сдержанной простоты сборника “На ранних поездах” (1943) и поздней лирики “антагониста”, на склоне лет смотревшего на свою раннюю поэзию, по существу, глазами Ходасевича. Творчество зрелого Пастернака развивалось в направлении, которое, я уверен, Ходасевич безоговорочно бы одобрил» [6, с. 59]. Действительно, пути обоих поэтов причудливо сошлись в далекой исторической перспективе. Возникают однако сомнения, что Ходасевича бы порадовала победа пушкинской линии в творчестве Пастернака. Это обстоятельство могло стать доказательством победы его соперника, который, пройдя через горнило футуризма, выковал себе чистый, поистине пушкинский голос, звучание которого было слышно далеко за пределами его родной страны.

Литература

1. Андреев В. История одного путешествия. М.: Советский писатель, 1974. 376 с.
2. Бахрах А.В. Бунин в Халате; По памяти, по записям. М.: ПРОЗАиК, 2018. 640 с.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1999. 736 с.
4. Богомолов Н.А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича // Пушкинские чтения: Сборник статей. Таллинн: Ээсти раамат, 1990. С. 167–181.

5. Бочаров С. «Памятник» Ходасевича // Ходасевич Владислав. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 5–56.
6. Малмстад Джон Е.. Единство противоположностей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 51–59.
7. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
8. Сергеева-Клятис А.Ю. Вейдле — критик Б.Пастернака // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 108–118.
9. Сергеева-Клятис А.Ю. Сумерки свободы. М.: Азбуковник, 2016. 398 с.
10. Успенский П.Ф. Творчество В.Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е — 1917 г.). Тарту, 2014.
11. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Русский путь, 2010.

Research Article

“Echoing Pushkin”: Khodasevich and Pasternak on Mass and Elite Poetry

© 2021. Anna Yu. Sergeeva-Klyatis

Lomonosov State University, Moscow, Russia

Abstract: The article deals with several issues: first of all, it is a question of building the creative strategy by two of the largest representatives of Russian poetry of the XX century. Khodasevich's aspiration is based on separating himself from mass literature, closing in on the elite poetic world, focused on the Russian "golden age" and, mainly, the poetry of Pushkin. Against this background - the opposite direction of the development of Pasternak, also focused on Pushkin, but aimed at the mass reader, starting from the first half of the 1920s and ending with the late work. The author asks how the focus on Pushkin could lead one poet to abandon poetry and silence, while the other on the contrary, to full realization and world fame. The article also touches the question of Khodasevich's attitude to Pasternak's work and, more broadly, to futuristic poetry in the context of ideas about the destructiveness of mass and the high mission of elite poetry.

Keywords: Pasternak; Khodasevich; Pushkin; mass poetry; elite poetry; literature of Russian diaspora; «school of harmonic precision»; Soviet critics.

Information about the author: Anna Yu. Sergeeva-Klyatis, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya 9-1, 125009 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-1469>. E-mail: nnklt1@gmail.com.

For citation: Sergeeva-Klyatis, Anna. ““Echoing Pushkin”: Khodasevich and Pasternak on Mass and Elite Poetry.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (19), 2021, pp. 325–334. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-325-334>

Acknowledgements: This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), no 20-012-00110 A.

References

1. Andreev, V. *Istoriia odnogo puteshestviia* [*The Story of a Travel*]. Moscow, Sovetskii pisatel' publ., 1974. 376 p. (In Russ.)
2. Bakhrakh, A.V. *Bunin v khalate; po pamiati, po zapisiyam* [*Bunin in a dressing-gown; from memory, from notes*]. Moscow, PROZAiK publ., 2018. 640 p. (In Russ.)
3. Berberova, N.N. *Kursiv moi: Avtobiografiia* [*Italics Mine: Autobiography*]. Moscow, Soglasie publ., 1999. 736 p. (In Russ.)
4. Bogomolov, N.A. Retseptsiia poezii pushkinskoi epokhi v lirike V.F. Khodasevicha [Reception of the poetry of Pushkin's times in Khodasevich's poetry]. *Pushkinskie chteniia: Sbornik statei* [*Pushkin's readings: a collection of critical essays*]. Tallinn: Eesti raamat, 1990. p. 167–181. (In Russ.)
5. Bocharov, S. “Pamiatnik’ Khodasevicha [“A Memorial” of Khodasevich]. Khodasevich, Vladislav. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [*Collected Works: in 3 vols*]. M.: Soglasie publ., 1996, vol. 1, pp. 5–56. (In Russ.)
6. Malmstad, Dzhon E. Edinstvo protivopolozhnosti [Unity of opposites]. *Literaturnoe obozrenie*, 1990, no 2, pp. 51–59. (In Russ.)
7. Pasternak, B.L. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t.* [*Complete Works: in 11 vols*] Moscow, Slovo publ., 2003–2005. (In Russ.)
8. Sergeeva-Kliatis, A.Iu. V.Veidle — kritik B.Pasternaka [V.Veidle — a critic of B. Pasternak]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, serii 10 “Zhurnalistika”* [series 10 “Journalism”]. 2012, no 2, pp. 108–118. (In Russ.)
9. Sergeeva-Kliatis, A.Iu. *Sumerki svobody* [*Twilight of Freedom*]. Moscow, Azbukovnik publ., 2016. 398 p. (In Russ.)
10. Uspenskii, P.F. *Tvorchestvo V.F. Khodasevicha i russkaia literaturnaia traditsiia (1900-e — 1917 g.)* [*V.F. Khodasevich's Works and Russian literary tradition, 1900-1917*]. Tartu, 2014. (In Russ.)
11. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [*Collected Works: in 8 vols*]. Moscow, Russkii put' publ., 2010. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 03.02.2021

Дата публикации: 25.03.2021

The article was submitted: 03.02.2021

Date of publication: 25.03.2021